

УДК 911.3:30

*А.В. Любичанковский***МЕНТАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЕОРИЕНТИРОВАННОЙ ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТИНЫ МИРА**

В исследовании проводится анализ роли ментально-географического фактора в формировании россиеориентированной географической картины мира. В качестве общей рамки ментально-географических факторов структурирования антропосферы показаны процессы территориализации и детерриториализации. В геополитическом аспекте территориализация выражает формирование бинарных оппозиций между Россией и ее геополитическими противниками (в современном дискурсе они чаще всего именуется «страны Запада» или «коллективный Запад»), а также Россией и ее союзниками. Анализ ключевых ментально-географических трендов позволяет зафиксировать полимасштабные территориальные сдвиги ментальности в пространстве Большой Евразии. На глобальном уровне по линии фронтиров наблюдается усиление взаимодействия с другими центрами (не только Большой Евразии), на внутреннем страновом российском уровне – усиливается роль регионализма. Выявленные ментально-географические тренды находятся в тесном взаимопересечении с «геополитизацией» общественной географии, имеющей тенденцию к расширению своего тематического наполнения.

Ключевые слова: географическая картина мира, россиеориентированность, география ментальности, ментально-географические факторы.

DOI: 10.35634/2412-9518-2023-33-4-481-487

Географическая картина мира не столько «потребляется» географической наукой, сколько, и прежде всего, продуцируется научной географией для дальнейшего использования в широком дисциплинарном поле. Пространство как главный компонент любой составляющей географии может быть рассмотрено с позиции его восприятия в ментальности, а может быть рассмотрено как функция в формировании географической картины мира. Анализ процесса формирования географической картины мира невозможен без учета ментально-географического фактора. В нашем исследовании мы сфокусируемся на роли ментально-географического фактора в формировании россиеориентированной географической картины мира.

Географическая картина мира является интегральным географическим понятием, содержание которого выражает обобщенное восприятие мира с позиции географической науки. В контексте своего использования в географической науке понятие часто воспринимается как само собой разумеющееся и не нуждающееся в специальном методологическом комментарии. Показательно в этой связи отсутствие специального раздела, да и вообще какого-либо терминологического комментария в широко известной работе В.П. Максаковского «Географическая картина мира» [1].

Ментально-географический генезис понятия «географическая картина мира» очевиден, поскольку его содержание основывается на наблюдательной позиции, через которую воспринимается и суммируется вся географическая информация в некую интегральную целостность. В связи с этим географическая картина мира будет различаться по социальным, возрастным, образовательным, идеологическим и т. д. стратам. Более того, в определенном ракурсе рассмотрения географическая картина мира будет иметь ярко выраженное своеобразие на индивидуальном уровне. Таким образом, можно говорить об идиосинкратическом характере понятия «географическая картина мира».

Объект и методы исследования

Объект исследования: ментально-географические факторы формирования географической картины мира.

В работе автором были применены историко-географический и сравнительно-географический методы исследования. Комплексное использование представленных методов позволило предложить общую типологию ментально-географических факторов формирования географической картины мира.

Объективность и достоверность результатов данного исследования обусловлены использованием принципа объективности. Объективность ментальных проявлений может быть выявлена только в инструментальном смысле. Это не объективность в смысле элементарного эпистемологического про-

тивопоставления субъективности, где объективность рассматривается как беспристрастие, чистая наблюдательность, а субъективность – как то, что подвержено модальностям и модификациям психики, эмоциям, желаниям, нежеланиям. Здесь объективный значит видящийся с точки зрения географии ментальности, для которой ментальность есть объект.

Результаты и их обсуждение

Для структурирования ментально-географических факторов формирования географической картины мира нами интегрированы в анализ термины «территориализация» и «детерриториализация». Развивая идеи философов Жюль Делёза и Феликса Гваттари [2], а также переосмысливая классическое использование этих терминов в антропологии, предлагаем следующий методологический конструкт их применения в оценке роли ментально-географического фактора в формировании географической картины мира.

Территориализация в общем виде сводится к привязке общественно-географического процесса к территории. Этот термин был интродуцирован в общественные науки под несомненным влиянием философской разработки Ж. Делёзом и Ф. Гваттари [3]. «Территориализация мысли» по М. Фуко [4] может быть рассмотрена как основа для анализа географических представлений человека, складывающихся в географическую картину мира.

Например, в политологии термин территориализация помог снять бинарную оппозицию между сепаратизмом и национально-освободительным движением. Западная политология для стран «третьего мира» идентифицировала определенную ситуацию как национально-освободительное движение, а внутри западных стран (например, Страна Басков в Испании или Северная Ирландия в Великобритании) обозначала как сепаратизм. При этом из этого явления выпадали невооруженные способы борьбы за автономию (например, Квебекская партия в Канаде). Сепаратизм подразумевает полную сецессию территории, а Квебекская партия добивалась участия в международных отношениях с сохранением регулирования экономической деятельности наднациональными институтами Канады. Именно для идентификации этой ситуации П. Пэншо вводит термин «территориализация» [5]. Процесс территориализации отделяет Квебек от остальной Канады. В дальнейшем эта категория применялась к мигрантам, отделяющим себя от остальной части населения [6], или для формирования бинарных оппозиций между диаспорой и этническим окружением, а также между диаспорой и своей родиной [7].

В географическом плане важно использование термина «территориализация» в анализе формирования постколониального мира. Примечательна работа, демонстрирующая это на примере Таиланда [8]. Получившие независимость колонии столкнулись с проблемой границ, разделяющих цельные этнические массивы, что соответствовало бывшему соприкосновению колониальных владений. В этом контексте территориализация означает процесс формирования у граждан представления о новой территории своего государства в его оппозиции с соседним государством.

Понятие «детерриториализация» введено Ж. Делёзом и Ф. Гваттари в рамках отказа от бинаризов в пространстве. Пространственные среды открыты для выделения в них любых топосов («подпространств»), так как лишены любых делимитирующих линий и привилегированных мест [9].

Для дальнейшего анализа существенно творческое использование термина «детерриториализация» в культурной антропологии. Детерриториализация означает ослабление связей между культурой и местом, то есть удаление культурных объектов и субъектов из определенных мест в пространстве [10]. Следствием этого является выход за пределы определенных территорий культурных феноменов, которые по своей природе находятся в транстерриториальном распространении.

Таким образом, территориализация и детерриториализация пульсируют между культурно-индигенным как приуроченным к определенной территории или определенному месту в пространстве, и культурно-глобализационным как связанным с экстратерриториальной подвижностью. При этом формирование индигенной составляющей не мешает со временем перейти в глобализационный характер, приводя к ретерриториализации, которую Гарсиа Канклини определяет как «определенные относительные, частичные территориальные перераспределения старых и новых символических производств» [11].

Детерриториализация является следствием культурогенеза, приводящим к культурному дистанцированию от родного места и адаптируя под себя культуру отдаленного происхождения, что влияет на национальную идентичность [12]. Однако, детерриториализация – не эрозия культурного развития, а ее закономерная составляющая в транскультурной целостности развития. Таким образом,

детерриториализация строится на принципиальном плюрализме множества локальных культурных опытов и проекции символических форм, вызванных этим опытом [13]. Детерриториализация характеризует прекращение в культурной составляющей преобладания определенного места и перенос повседневного культурного опыта на более обширные территории.

С учетом предлагаемой нами методологии географического подхода исследования ментальности [14; 15], представим (таблица) разделение ментально-географических факторов формирования географической картины мира на территориализационные и детерриториализационные по основным компонентам геоэтоса (то есть определенной формы выражения ментальности в географическом пространстве, возникающем в перекрестном взаимодействии территориальной организации культуры и геокультурного процесса).

Территориализационные и детерриториализационные ментально-географические факторы формирования географической картины мира по основным компонентам геоэтоса

Компоненты геоэтоса	Ментально-географические факторы	
	Территориализационные факторы	Детерриториализационные факторы
<i>Связь с вмещающим ландшафтом</i>	Традиционное природопользование, приуроченное к агроклиматической зональности, адаптивно-ландшафтная система земледелия	Совокупность практик и технологий (отличающихся от частных местных практик), которые характеризуются сходным набором технологических приемов и социально-экономическими условиями. Например, технологии прямого посева сельскохозяйственных культур, системы севооборотов, системы ирригации, технологии полезащитного лесоразведения, комплексы противоэрозионных мероприятий, системы управления пастбищами и т. п. (большое разнообразие таких моделей)
<i>Культурно-этногеографический компонент</i>	Процесс формирования ареального единства на территориях со сходными бытовыми материально-культурными составляющими, связанными с общностью исторического социально-экономического развития (историко-культурного района)	Трансформация историко-культурных областей в меняющейся геокультурной обстановке
<i>Геоэтос территориальной и пространственной идентичности</i>	Региональная идентичность	Надрегиональные пространственные формы идентичности
<i>Гендерные соотношения в общественно-географических процессах</i>	Региональные особенности гендерной идентификации, характерные формы авункулата и типа родственных связей в этнотерриториальной группе	Вестернизация брачно-семейных форм, которая доминирует в большинстве стран мира
<i>Социально-территориальная иерархия общества</i>	Сложившаяся структура в результате страногенеза	Интродуцированные глобализацией формы
<i>Пространственные мифологемы</i>	Региональные пространственные образы	Надрегиональные и трансформационные ретерриториализационные пространственные образы

Таким образом, воздействие ключевых факторов на формирование ментально-географической картины мира может быть детально рассмотрено в полисистемной модели геоэтологического пространства ментальности, тем самым идентифицируются не только ядра специфической ментальности, но и фасетные ментально-географические структуры [16].

Геополитические аспекты и основные тренды россиеориентированной ментально-географической картины мира. Обозначим ключевые аспекты россиеориентированной ментально-географической картины мира, которая корреспондируется с обоснованным А.Г. Дружининым подходом путей достижения «россиеориентированности», сфокусированной прежде всего на исследованиях непосредственно России (и для России!) [17].

Большая Евразия как интеллектуальный проект вполне может быть обоснована ментально-географическим характером в широком дискуссионном пространстве, подразумевающим как цивилизационный генезис, обоснованную пространственную идеологию классического евразийства, а также как геополитическую и геокультурную целостность конгломерата народов и регионов, пролонгированную как интеллектуальный проект [18].

Глубокое географическое постижение места связано с различными историко-географическими форматами, представлениями о ядрах, полях, контактных зонах, лимитрофах и т. п. в пространственно и этнически структурированной целостности, что создает более глубокий усложненный географический образ, лучше соотносящийся с целевыми задачами географической науки.

В геополитическом аспекте территориализация выражает формирование бинарных оппозиций между Россией и ее геополитическими противниками (в современном дискурсе они чаще всего именуются «страны Запада» или «коллективный Запад»), а также Россией и ее союзниками. Таким образом, проявление ментально-географического фактора «территориализации» в современной геополитической обстановке привело к выделению множества стран в единый геополитический мега-регион. Этот процесс имеет безусловную зависимость от процесса территориализации в странах Запада, поразному определяющих (на уровне политических правящих кругов и интеллектуальной элиты) идентификацию России как европейской или неевропейской страны. Внешнеполитическая территориализация как отнесение стран к определенному региону оказывает влияние на геополитическое взаимодействие и потому не может быть проигнорирована. В этом аспекте имеет особое значение статус «европейскости – неевропейскости» для России со стороны США и ЕС как основных внешнеполитических акторов стран Запада.

В условиях современной мировой геополитической турбулентности чрезвычайно важно отметить ключевые ментально-географические тренды, характерные для российского культурного пространства:

1. Усиление дезинтеграционных процессов по всей линии фронтиров, включая тяготение последних в зоны сопряжения граничных цивилизаций (прежде всего, Европейской, Китайской и Турецкой). Китайская цивилизационная экспансия активно проявляет себя в Средней Азии. Европейская – на Украине и в прибалтийских странах. Турецкая – в Азербайджане.

2. Нарастающая «дерусификация» оконтуривающих нашу страну постсоветских государств и возрастание ментальных барьеров между этими странами и Россией.

3. Увеличение за счет демографического роста и этнического замещения поведенческой тюрко-мусульманской составляющей в российском культурном пространстве, с особым ростом узбекского этноса (подкрепленного и геоэкономическим усилением). В целом, эта тенденция корреспондируется с выявленным и охарактеризованным А.Г. Дружининым геоэтнокультурным усилением Исламской Уммы в центральных областях Евразии [19. С. 52].

4. Наметившийся тренд, активно проявившийся в том числе и в региональной политике, переход от ментальной аспатиальности пространства к выраженной культурно-географической региональной рефлексии, к интересу к внутрорегиональным особенностям.

5. Ментально-географическое переформатирование фронтиров от доминирования России к полицентричности и активному трансграничному взаимодействию не только с Россией, но и другими соседями.

6. Пульсация между двумя взаимообусловленными, но разнонаправленными процессами в межэтническом взаимодействии: от акцента на этногеокультурное своеобразие до сетевых взаимодействий в иноэтнической среде. Крайние формы такого проявления – национализм и глобализм. По наблюдению автора, специальная военная операция (СВО) как выраженное военно-силовое и информационно-идеологическое противостояние катализирует оба варианта такого крайнего проявления.

7. Пространственные мифологемы Русского мира не конституированы как марксистско-ленинская идеология СССР. Нынешняя идеология более мягкая. Гораздо более соответствует сетевому миру.

Исходя из ментально-географических особенностей России и всего пространства Большой Евразии, представляется целесообразным усилить вектор взаимодействия с Индией. В контурах Большой Евразии необходимо формирование выраженного ареала совместного российско-индийского цивилизационного взаимодействия. Индийская цивилизация как ментально-географическая структура никогда не обнаруживала черты экспансионистской политики (в отличие от китайской, ретроспективное развитие которой связано с противодействием северным тюркским соседям, да и советско-китайский раскол быстро сменил недолгую советско-китайскую дружбу). Кроме того, все возрастающая роль Китая, его доминирование не только в евразийском, но и глобальном пространстве, должна быть сбалансирована интенсивными геополитическими и геоэкономическими контактами с альтернативным центром силы – Индией. В связи с этим в ментально-географическом плане одной из ведущих форм воздействия политических сил нам представляется политика аккультурации в Средней Азии, Пакистане и Афганистане, приближение к непосредственным сухопутным границам Индии. Ментально-географическая ось Урал – Средняя Азия – Пакистан – Индия представляется наиболее продуктивной и наименее барьерной.

Заключение

Нами было проведено разделение ментально-географических факторов формирования географической картины мира на территориализационные и детерриториализационные по основным компонентам геозтоса.

Пульсация взаимообусловленного процесса глобализации и деглобализации, равно как и его проекция в процессах территориализации и детерриториализации как общей рамки ментально-географических факторов структурирования антропосферы, обнаруживает реальность Евразии как геокультурного образования. В ее контурах наблюдаются возможности идеологического, цивилизационного, политического и т. д. обоснования. Таким образом, ментально-географические факторы обосновывают реальность определенной геокультурной целостности – Евразии, которая выступает как самостоятельный актер в социально-экономической глобальной структуре мира.

Ментально-географическая россиориентированная картина мира в геополитическом аспекте территориализирована на бинарные оппозиции между Россией и ее геополитическими противниками (в современном дискурсе они чаще всего именуется «страны Запада» или «коллективный Запад»), а также Россией и ее союзниками.

Анализ ключевых ментально-географических трендов позволяет зафиксировать полимасштабные территориальные сдвиги ментальности в пространстве Большой Евразии. На глобальном уровне по линии фронтиров наблюдается усиление взаимодействия с другими центрами (не только Большой Евразии), на внутреннем страновом российском уровне – усиливается роль регионализма.

В конечном итоге, россиориентированная ментально-географическая картина мира представляет собой осмысление России (в нашем понимании, в ее евразийском контексте) в мире и той роли, которую она может в этом мире играть.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Максаковский В.П. Географическая картина мира. 3-е изд., испр. М.: Дрофа, 2007. 480 с.
2. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. М.: Ин-т экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 288 с. [Deleuze, Guattari, 1991].
3. Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / пер. с франц. и послесл. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Кузнецов. Екатеринбург: У-Фактория, 2007. 672 с.
4. Foucault M. Questions on geography: Interview with the editors of "Herodote" // Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings / ed. by C. Gordon, 1972–1977. Brighton: Harvester, 1980. P. 63–77.
5. Painchaud P. Territorialization and Internationalism: The Case of Quebec // *Publius*. 1977. Vol. 7. № 4. Federalism and Ethnicity: Autumn. P. 161–175.
6. Magat I. N. Israeli and Japanese Immigrants to Canada: Home, Belonging and the Territorialisation of Identity // *Ethos*. 1999. Vol. 27. № 2. June. P. 119–144.
7. Malkki L. National Geographic: The Routings of People and the Territorialization of National Identity among Scholars and Refugees // *Cultural Anthropology*. 1992. Vol. 7. № 1. Space, Identity and the Politics of Difference: February. P. 24–44.

8. Vandergeest P., Peluso N. L. Territorialization and State Power in Thailand // *Theory and Society*. 1995. Vol. 24. № 3. June. P. 385–426.
9. Новейший философский словарь. Постмодернизм / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. Минск: Современный литератор, 2007. С. 136–138.
10. Roy O. *Holy Ignorance: When Religion and Culture Part Ways*. New York: Oxford University Press, 2013, 259 p.
11. García Canclini N. *Culturas híbridas: estrategias para entrar y salir de la modernidad* (Mexico 1990), *Travesia*, 1:2, 161-170.
12. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy // *Theory, Culture & Society* 1990. Vol. 7. P. 295–310.
13. Giddens A. *The Consequences of Modernity*. Stanford, California: Stanford University Press, 1990. 186 p.
14. Любичанковский А.В. Базовые концептуальные подходы географического анализа ментальности населения // *Географический вестник*. 2023. № 2(65). С. 26–35.
15. Любичанковский А.В. География ментальности как этнологическая география: предметно-объектный анализ // *Региональные исследования*. 2023. № 3 (81). С. 27–36.
16. Любичанковский А.В. Географические исследования ментальности: теория, методология, методы, практика: монография / М-во науки и высш. образования Рос. Федерации, Федер. гос. бюджет. образоват. учреждение высш. образования «Оренбург. гос. ун-т». Оренбург: ОГУ, 2023. 223 с.
17. Дружинин А.Г. Россияеориентированная географическая картина мира: проблемы, приоритеты и пути формирования // *Трешниковские чтения – 2022: Современная географическая картина мира и технологии географического образования: Материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Ульяновск, 14–15 апреля 2022 года*. Ульяновск: Ул. гос. пед. университет им. И.Н. Ульянова, 2022. С. 189–190.
18. Дружинин А.Г. Идеи классического евразийства и современность: общественно-географический анализ. Ростов-на-Дону; Таганрог: Южный федеральный университет, 2021. 270 с.
19. Дружинин А.Г. Россия в многополюсной Евразии: взгляд географа-обществоведа. Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального университета, 2016. 228 с.

Поступила в редакцию 11.11.2023

Любичанковский Алексей Валентинович, кандидат географических наук, доцент,
доцент кафедры географии и регионоведения
ФГБОУ ВО «Оренбургский государственный университет»
460018, Россия, г. Оренбург, просп. Победы, 13
E-mail: av-lubichan@yandex.ru

A.V. Lyubichankovsky

MENTAL FACTORS FOR FORMING A RUSSIA-ORIENTED GEOGRAPHIC PICTURE OF THE WORLD

DOI: 10.35634/2412-9518-2023-33-4-481-487

The study analyzes the role of the mental-geographic factor in the formation of a Russian-oriented geographical picture of the world. The processes of territorialization and deterritorialization are shown as a general framework of mental-geographical factors in the structuring of the anthroposphere. We examined the mental-geographical Russian-oriented picture of the world in sections. In the geopolitical aspect, territorialization expresses the formation of binary oppositions between Russia and its geopolitical opponents (in modern discourse they are most often referred to as “Western countries” or “collective West”), as well as Russia and its allies. In the geo-economic aspect, the supra-territorial nature of geo-economic regions is manifested, that is, the predominant deterritorializing factor. Supraterritoriality is associated with the globalist structure of the common market. However, the territorializing factor also plays a significant role here, leading to the formation of geo-economic regions with characteristic mental-geographical specifics.

Keywords: geographical picture of the world, Russian orientation, geography of mentality, mental-geographical factors.

REFERENCES

1. Maksakovskiy V.P. *Geograficheskaya kartina mira* [Geographical picture of the world], 3rd ed. Moscow: Drofa Publ., 2007, 480 p. (in Russ.).
2. Delez Zh., Gvattari F. *Chto takoe filosofiya?* [What is philosophy?], trans. from French, Moscow: In-t eksperimental'noy sotsiologii; St. Petersburg: Aleteyya Publ., 1998, 288 p. [Deleuze, Guattari, 1991]. (in Russ.).

3. Delez Zh., Gvattari F. Anti-Edip: *Kapitalizm i shizofreniya* [Capitalism and schizophrenia], trans. from French, Kuznetsov V. (ed). Yekaterinburg: U-Faktoriya Publ., 2007, 672 p. (in Russ.).
4. Foucault M. Questions on geography: Interview with the editors of "Herodote", in *Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings* / Gordon C. (ed), 1972–1977. Brighton: Harvester, 1980, P. 63-77.
5. Painchaud P. Territorialization and Internationalism: The Case of Quebec, in *Publius*, 1977, vol. 7, no. 4 Federalism and Ethnicity: Autumn, pp. 161-175.
6. Magat I.N. Israeli and Japanese Immigrants to Canada: Home, Belonging and the Territorialisation of Identity, in *Ethos*, 1999, vol. 27, no. 2, pp. 119-144.
7. Malkki L. National Geographic: The Routings of People and the Territorialization of National Identity among Scholars and Refugees, in *Cultural Anthropology*, 1992, vol. 7, no. 1. Space, Identity and the Politics of Difference: February, pp. 24-44.
8. Vandergeest P., Peluso N.L. Territorialization and State Power in Thailand, in *Theory and Society*, 1995, vol. 24, no. 3, pp. 385-426.
9. *Noveyshiyy filosofskiy slovar'. Postmodernizm* [The latest philosophical dictionary. Postmodernism], Gritsanov A.A. (ed), Minsk: Sovremennyy literator, 2007, pp. 136-138 (in Russ.).
10. Roy O. Holy Ignorance: When Religion and Culture Part Ways. New York: Oxford University Press, 2013, 259 p.
11. García Canclini N. Culturas híbridas: estrategias para entrar y salir de la modernidad (Mexico 1990), *Travesia*, 1:2, 161-170 (in Spain).
12. Appadurai A. Disjuncture and Difference in the Global Cultural Economy, in *Theory, Culture & Society*, 1990, vol. 7, pp. 295-310.
13. Giddens A. The Consequences of Modernity. Stanford, California: Stanford University Press, 1990, 186 p.
14. Lyubichankovskiy A.V. [Basic conceptual approaches to the geographical analysis population's mentality], in *Geograficheskii vestnik [Geographical Bulletin]*, 2023, no. 2(65), pp. 26-35 (in Russ.).
15. Lyubichankovskiy A.V. [Geography of mentality as ethological geography: subject-object analysis], in *Regional'nyye issledovaniya*, 2023, no. 3(81), pp. 27-36 (in Russ.).
16. Lyubichankovskiy A.V. *Geograficheskie issledovaniya mental'nosti: teoriya, metodologiya, metody, praktika* [Geographical studies mentality: theory, methodology, methods, practice], Orenburg: Orenburg. Gos. Univ., 2023, 223 p. (in Russ.).
17. Druzhinin A.G. [Russia-oriented geographical picture of the world: problems, priorities and ways of formation], in *Mater. vseross. nauch.-prakt. konf. s mezhd. uch. "Treshnikovskiy chteniya - 2022: Sovremennaya geograficheskaya kartina mira i tekhnologii geograficheskogo obrazovaniya"* (Ulyanovsk, April 14-15, 2022), Ul'yanovsk: Ul. Gos. Ped. Univ. im. I.N. Ul'yanova, 2022, pp. 189-190 (in Russ.).
18. Druzhinin A.G. *Idei klassicheskogo evraziystva i sovremennost': obshchestvenno-geograficheskii analiz* [Ideas of classical eurasianism and modernity: socio-geographical analysis], Rostov-na-Donu; Taganrog: Yuzhn. Federal. Univ., 2021, 270 p. (in Russ.).
19. Druzhinin A.G. *Rossiya v mnogopolyusnoy Evrazii: vzglyad geografa-obshchestvoveda* [Russia in multipolar Eurasia: the view of a social geographer], Rostov-na-Donu: Yuzhn. Federal. Univ., 2016, 228 p. (in Russ.).

Received 11.11.2023

Lyubichankovsky A.V., Candidate of Geography, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Geography and Regional studies
Orenburg State University
Prosp. Pobedy, 13, Orenburg, Russia, 460018
E-mail: av-lubichan@yandex.ru